

Максим Исаев
Сарабанда

Максим Исаев

Сарабанда

«Издательские решения»

2015

Исаев М.

Сарабанда / М. Исаев — «Издательские решения», 2015

«Сарабанда» — радикальный деструктивный роман с классической музыкой. Тридцать легких вариаций на неприличные темы с секретом. Глубокие чувства, сцены на лыжах, в лодке, в школе и дома. Две фотомодели, один покойник, один курфюрст, критические дни, Швейцер, Цветаева, Гоголь, Cutty Sark, водка «Вечный Зов» и, конечно, 400 талеров.

© Исаев М., 2015

© Издательские решения, 2015

Содержание

Неподсудней Набокова (на правах предисловия)	6
Сарабанда	8
Theme. Aria	8
Variatio 1. A 1 Clav. Объявление	9
Variatio 2. a 1 Clav. Покупка	12
Variatio 3. 1 Clav. Canone all'Unisono Рассуждения	15
Variatio 4. a 1 Clav. Prelude	18
Variatio 5 a 1 ovvero 2 Clav. Ванна	21
Variatio 6 a 1 Clav Canone alla Seconda. Лосиный остров	24
Конец ознакомительного фрагмента.	26

Сарабанда

Максим Исаев

© Максим Исаев, 2015

© Эдвард Джон Пойнтер, иллюстрации, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Неподсудней Набокова (на правах предисловия)

Стандартный поход советских редакторов к начинающим литераторам на первом этапе включал в себя указание побольше читать. Довольно иезуитский совет. Легко прочесть можно было лишь толерантную к партийной линии бездарную жвачку. За настоящими книгами шла охота, включающая в себя безжалостное соревнование с пионерами за макулатуру, перепечатку слепых копий по ночам с риском быть вызванным в органы и переваренным ими, ну и, как вариант курьёзный – экспедиции по глубинкам, где попавшие к ним по распределению тиражи никому не были нужны вследствие незнакомого читателям русского языка.

«Самородки» от сохи, а также ленивые представители диванной интеллигенции отсекались уже на этом этапе. И тем не менее слишком многие вооружались багажом Кьеркегора, Замятина – и приходили снова. Тогда применялся следующий приём: «Вы не знаете жизни, вам надо побольше ездить, знакомиться с людьми, с различными ситуациями и профессиями...». Ха, спасибо за совет. Так и раскатаешься на стипендию в редкие промежутки, свободные от стройотрядов и военных лагерей...

Но был он, был и есть – великий метод, за который многие таланты, включая Валентина Катаева с его драгоценной диадемой, заслуженно получали по лицу, но не унывали, а гордо и весело шли дальше. Взять героев из своего ближайшего окружения, не испугавшись того печального факта, что узок круг этих людей (поверьте, поскитавшись по земному шару, я познал эту истину на собственной шкуре), и любые аллегории и иносказания в этом кругу – лукаво бессмысленны. Некоторые члены упомянутой в посвящении масонской ложи (а по сути – литературного кружка) применяли этот метод, из принципа даже не меняя имён героев, но, к счастью, автор этого романа не поленился поменять имена. Не мне судить автора за эту узнаваемость. Художника может судить только время по созданным им самим законам его мира.

Так почему же всё-таки «Сарабанда»? Скорее всего потому, что, как и полный эротизма и экспрессии средневековый народный танец, запрещённый церковью и возрождённый в классической музыке причёсанным и сдержанным, роман проводит перед нами неистовые па героев, их попарные выходы, складывающиеся в увлекательнейший сюжет. Казалось бы, автор описывает бытовые ситуации, знакомые каждому, рутинные – и тем не менее напряжение нарастает, достигая кульминационного плато и, затем, сладкой истомы бессилья. Как и подобает любовному акту или раскованной дозапретной сарабанде. Как бы автор ни маскировал эту энергию за названиями глав, нарочито подсказывающими аллюзии на более позднюю классическую музыку – ему не утаить неистовой архаики первобытной страсти! Сар-ра-банда!!!

Как бы ни были узнаваемы герои, как бы ни была передана страсть, незаметно вовлекающая читателя до состояния невозможности не только оторваться от чтения, но и просто остаться собой, выпасть из мира книги – главное достоинство романа, на мой взгляд, не в этом. Ещё в ранних своих стихах автор нащупал свой язык. Именно свой, новый. Не озвучил «улицу», как пытался Маяковский. Не принёс Бабелем в большую литературу Молдаванку и окрестности. А именно создал язык, до него не существовавший. Автор нащупал этот свой язык ещё в ранних стихах. В первом романе «Оживление» этим языком были написаны некоторые главы. И вот, наконец, в «Сарабанде» этот язык развернулся полностью. Язык нашего внутреннего Бёрнового «Ребёнка». Которым, как оказалось, можно описывать не только мир окружающих предметов, погоду, еду, но и мир страсти, похоти и нежности, любовного неистовства и блаженства. Язык новизны восприятия мира, непосредственности, ежесекундных открытий, которые удалось сохранить из глубинного детства, первых в жизни лучей солнца на щеке, пер-

вого запаха земляники – до заскорузлой зрелости, когда мало кого из нас можно удивить даже ядерной войной.

За свой роман «Лолита» Набоков получил немало нареканий – ещё бы, «пропаганда» того, что и в его времена воспринималось кощунством, и в современной России может легко привести не только к изъятию из библиотек, но и к реальному сроку. Автору «Сарабанды» удалось невозможное – нащупать во взрослых персонажах детей и рассказать их историю как бы от имени этих детей. Неподсудность Набокова обусловлена его талантом и изменившимся временем. Неподсудность Максима Исаева обусловлена его талантом, литературным языком и тем, что ему удалось невозможное – рассказать о взрослой любви от лица детей так, что ни у кого язык не повернётся обвинить автора ни в чём, кроме узурпации читательского внимания.

Впрочем – хватит уже читать мои скучные пространные рассуждения. Читатель, ныряй скорее в роман – прощай. Вынырнуть – не удастся!

Аркадий Дубинчик

Сарабанда

*Посвящаю этот короткий роман светлой памяти одной славной
масонской ложи,
моим далеким и близким друзьям,
Гольдберг-вариациям и
Чуду —
когда бываешь Ты со мной
1998 – 2002*

Theme. Aria

«Граф Кайзерлинг¹ был слаб здоровьем и часто страдал бессонницей. Гольдберг², живший у него в доме, в подобных случаях должен был проводить ночь в соседней комнате и играть ему во время бессонницы. Однажды граф сказал Баху³, что он был бы рад получить для своего Гольдберга клавирные пьесы нежного и несколько оживленного характера, чтобы они немного развлекли его в бессонные ночи. Бах решил, что для этого более всего пригодны вариации, хотя сочинение в подобном роде он считал неблагодарной работой, поскольку гармоническая основа оставалась в них неизменной...

– Любезный Гольдберг, сыграй же мне одну из моих вариаций!

Бах, может быть, никогда не был так щедро за свою работу, как за эти вариации. Граф подарил ему золотой кубок, наполненный сотней луидоров.»⁴

«Тема Гольдберг вариаций взята из «Клавирной книжечки», сочиненной в 1725 году для Анны Магдалены Бах. Это *сарабанда* на мотив «Bist du bei mir» («Когда бываешь ты со мной»)

...

Полюбить это произведение после первого же прослушивания невозможно. С ним надо сжиться и вместе с Бахом последнего периода подняться на высоту, где от голосоведения требуется уже не естественная прелесть звучания, но абсолютная свобода движения, которая и дает радость и удовлетворение. Тогда испытываешь тихое, радостное утешение, которое доставляет нам это, казалось бы, столь ученое сочинение.»⁵

¹ Кайзерлинг Герман Карл фон (1696 – 1764) – граф, из лифляндских баронов, Президент Императорской Академии Наук (Петербург, 1733), русский посланник (Дрезден, 1733 – 1745) при дворе Короля Польского и Курфюрста Саксонского Фридриха Августа III (1696 – 1763), поклонник Баха.

² Гольдберг Иоганн Теофилиус – клавесинист графа Кайзерлинга, ученик Баха.

³ Бах Иоганн Себастьян (1685 – 1750) – немецкий композитор, автор BWV 988 Goldberg-Variations, G-Major, Viertel Theil der Clavieruebung (Harpsichord with two manuals) и других произведений.

⁴ J. R. Forkel. «Über Johann Sebastian Bachs Leben, Kunst und Kunstwerke», Leipzig, 1802.

⁵ Альберт Швейцер. Иоганн Себастьян Бах. (1905) Издательство «Музыка», Москва, 1965. Перевод с немецкого Я. Друскина.

Variatio 1. A 1 Clav. Объявление

Среди всех своих ножниц Харитон больше всего любил маленькие с красными облезлыми ручками. Вот уже два дня он никак не мог отыскать их. Везде в знакомых местах – в ванной на стекле под зеркалом, на кухне на подоконнике в плетеном корытце и под ним, в комнате на всех полках и даже в некоторых ящиках – ему все время попадались совсем другие экземпляры: огромные в локоть – для резки обоев, для стрижки волос, кривые, тупые, загнутые, но не те. Ночью заусенец противно цеплялся и не давал спать, и с ним могли справиться только они одни, красные. Харитон страдал и обижался – зачем устраивать эти прятки, будто кто-то другой мог коварно положить их в другое место, или будто красные сами ушли от него на свободу и завалились в неожиданное укрытие до большой уборки.

И когда он заметил их, невинно лежащих на жестяном подносе среди другого железного хлама, который он оглядывал перед этим несколько раз, ему стало, наконец, легко и покойно на душе, как будто нашелся его давний знакомый, вынырнувший из сна, а потом выскочивший пробкой из дверей того вагона метро на Пушкинской, в который уже поставил свою правую ногу Харитон. Его все плотнее окружали домашние вещи, они забирались к нему в постель, на стол, в карманы, а людей – наоборот – вокруг становилось все меньше и меньше, они умирали, уезжали, замолкали, и Харитон думал, что вот так и наступает близкая старость и смерть, и вот уже скоро он сможет опять встретиться со всеми, но уже в другом месте.

Потом грубый разговор немного испортил его настроение, но родные ножницы были важнее.

– Да?

– Я по объявлению.

Ее голос был, к сожалению, хриплый и наглый.

– Да? Здравствуйте, очень хорошо, спасибо, что позвонили. Когда вы сможете прийти?

– Сколько?

Харитон испугался и задумался.

– Вы приходите просто так, мы с вами поговорим вначале, обсудим, я расскажу вам про свои планы, понимаете, я сам не знаю, сколько получится, но может быть и много.

– Козел, найди деньги, а потом объявление давай!

Гудки. Харитон вообразил, что еще приятного сказала ему эта особа. Он долго следил за ломаной линией на обоях, стараясь не спутать ее с соседними, до тех пор, пока она не уперлась в потолок. Тогда он спустился по ней вниз до тех пор, пока взгляд не уперся в расплывшийся телефонный аппарат – один из его главных врагов – подаренных ему к Новому году. Гудки продолжались. Харитон опустил трубку, нагнул голову вправо, линия немного удлинилась, но вскоре опять исчезла, на этот раз окончательно, за подставкой. Вот так вот всегда. В одну сторону идти – ничего не стоит, а вот если захочешь вниз, до конца, вечно они упрутся в эту подставку. Он пошел в ванну, помыл руки холодной водой, внутри стало тише. Полотенце запачкалось, давно не стирал.

Харитон выключил свет, посмотрел на часы – без пяти десять, потом подошел к градуснику – минус четыре. Начался снег. Вряд ли кто-нибудь еще позвонит, пора бы поужинать. Пойду куплю банку селедки, – решил он и стал одеваться. Идти не далеко, штаны можно не передевать, а одеть только носки, ботинки, куртку, шарф и шапку. Она, наверное, до сих пор злится, – он захлопнул дверь и засунул ключи в карман. Деньги – в заднем кармане, а сумка не нужна. На темной лестнице тянуло от мусоропровода, но лифт скоро пришел. Снег идет, снег идет, значит, скоро грязь и слякоть. Вон в лифте уже кто-то оставил отпечатки своих ребристых ботинок. А иногда все-таки бывает сухо. Он прошел мимо почтовых ящиков. Внутри своего ничего не блеснуло. Харитон открыл дверь, и сразу все изменилось.

На свет соседнего желтого фонаря слетались снежинки, жужжали и тихо садились на руки и лицо Харитона. Скоро он весь опух от укусов. По улице плыли машины, захлебывались и плескали веером в разные стороны жуткую смесь. Но было довольно весело и пустынно, да и кто выйдет в такую погоду! Харитон набрал воздуха, размахнулся, положил руки в карманы и поплыл брассом к ларьку. Снег быстро забился ему в глаза и в рот, но Харитон был опытный пловец, он открывал рот только для короткого вдоха, и успевал поймать только несколько холодных капель, которые сразу превращались в сложное химическое соединение.

Надо было дать другое объявление, он плохо подобрал слова в первый раз, и все пропало. – Дайте, пожалуйста, большую банку селедки.

Продавщица открыла форточку, сняла банку с витрины, отклеила ценник и пересчитала деньги. Может, испорченная? Вряд ли, она долго хранится.

Харитон стряхнул мусор с банки и взял ее как дискобол. Дома еще осталось две луковицы. Он подумал, что объявление должно быть коротким, всего несколько слов, но заманчивым. С другой стороны, ему бы не хотелось, чтобы оно выглядело неприлично. Жалко, опять потеряны недели две или три, пока опубликуют новый текст. Может, поискать другую газету? Да нет, все дело в самом тексте. Он завернул за угол и сделал несколько последних гребков.

В подъезде он долго топал и стучал ногами о ступеньки, стараясь выбить снег из своих ребристых подошв. Но у него был другой узор, не такой, как у того в лифте. И все равно, сколько не стучи, все не стряхнется. Он вошел к себе в квартиру, оставил ботинки на коврике, отнес диск на кухню и только потом снял куртку, намокшую от снега. Он старался забыть старое объявление и найти какое-нибудь свежее слово. Ладно, потом само собой найдется как ножницы. А сейчас будет другая радость.

Он достал со шкафа старую газету, потом открывалку из ящика и сел за стол. Нет, банку лучше открыть стоя. Главное, почему он ее выбрал – это из-за картинки на крышке. Сизая фотография двух кораблей в свете полярного солнца в бухте Мурманска. Сельдь атлантическая, жирная, пряного посола. Четыре штуки лежат, скользкие и блестящие. Какой там порядок? В этом месте Харитон всегда путался. Он ухватил левой рукой холодную рыбу и подождал, пока с хвоста стечет мутный рассол. Ему было так радостно, что она такая большая и тяжелая. Отрезаем голову, хвост, вспарываем брюхо. Это, конечно, самое неприятное, но можно справиться с этим быстро. Теперь как бы отделить чешую?

Селедка затрепетала в его пальцах и чуть не прыгнула на пол. Он прижал ее ножиком и попробовал подцепить шкуру у ребер. Не получается. Тут он вспомнил, что можно вначале разрезать ее вдоль хребта, а потом подцепить шкуру сверху. Ура, это, оказывается, не так уж сложно. Теперь осталось вынуть кости и порезать. Он довольно быстро справился с первой селедкой, а потом почистил и остальных. Теперь сворачиваем газету и выкидываем сразу весь мусор с банкой. Как удачно в этот раз все получилось!

Харитон вымыл руки и достал луковицу с сухой кожицей. И когда через пять минут, еле успев кое-как намазать черный хлеб маслом, он попробовал первый соленый кусочек, ему стало безумно вкусно, и дальше он уже не мог остановиться. Она таяла у него во рту, оставляя вязкий холодок, который он закусывал хрустящими сочными кусочками лука и заедал этот контраст скользким маслом и нейтральным хлебом.

«Делаю фото». «Делаю фото». Нет, нет, просто «фотографирую». Это пойдет, вероятно, в «Услуги», но уж точно не в «Куплю-продажу». Харитон уже несколько раз просил себя остановиться с этой селедкой, но она была такая мягкая и нежная, что закончить не было никаких сил.

Да, просто – «фотографирую». За деньги? Или я должен платить? Вот это остается непонятным. Кто же за деньги на это согласится? Надо написать: «За хорошие деньги».

Все, последний кусочек. А как потом будет плохо! Кто же на ночь наедается такой дряни! Нет, надо начать не с глагола, а с существительного. Здесь-то все просто. Хотя тоже есть много вариантов. Харитон убрал тарелку с селедкой в холодильник и поставил чай.

«Фотографирую девушек». Ужасно. Другие пишут «пригл. дев. на в/о раб». Это совсем не то! «Без интима». Ну это же просто сальности! Какая гадость. Солености. Пряный посол. Надо заварить свежий чай. Может, просто «Ищу фотомоделей»? Неплохо, конечно, всего два слова, но много неопределенности. Всегда эти колебания и мучительные поиски истины. Если требуются, то сразу, значит, должен платить. Нет, это не то. Харитон выпил две чашки, но жар внутри погасить не удалось. Вода ушла вниз, словно сквозь сито. Заснуть теперь вряд ли удастся. Он лег на диван и положил под ноги подушку. Селедки осталось еще на несколько дней. Где вот другие ищут натурщиц? Опять другие... Нет, нельзя думать про других. Он только один такой. Как же внутри теперь жжет нехорошо. Все слова растерялись. Осталась одна селедка, атлантическая пряного посола. Бухта Мурманска. Полярная ночь. Мачты, льды, срок хранения. «Фотографирую обнаженных девушек». Выпить еще чаю. Нет, через час, а то утром вся рожа распухнет. И так уже распухнет. «Снимаю девушек» – это уже совсем кошмар.

Харитон поставил еще чаю. Может, бросить эту идею? Из этого ничего не выйдет. Бесполезно. Дубина! Ладно, надо уже что-то выбирать и на чем-то остановиться. Харитон долил кипятка в заварку. Уже стал совсем слабый и бледный. Как быстро от чая пачкаются чашки! Эта заварка как нефть тут же прилипает к стенкам темно-коричневыми пятнами. Завтра точно не буду есть селедку. Ни за что! А если с картошечкой? Нет. Так жжет!

Странно, чайник выключен, а все равно что-то звенит. Опомнившись, Харитон бросился к телефону. Половина двенадцатого. Не успел. Может, перезвонят?

– Мне Васю.

Не туда попали.

Через пять минут опять Васю. Все, не могу больше. Выключаю чайник, телефон, свет и ложусь спать. В доме напротив осталось два желтых окна. Завтра суббота. Еще глоточек воды. Теперь бегать всю ночь и пить до утра. Соленые рыбы поплыли мимо за окном к ларьку. Булькнул лифт. Хлюпнула где-то дверь. Часа в три Харитон записал на сизом листе в середине бухты:

«Фотограф чистит скользкую селедку и наливает чай».

Variatio 2. a 1 Clav. Покупка

Верочка шла сегодня из школы поздно, часа в три. Уроки сегодня были легкие, и она была в приподнятом настроении. По дороге она не спешила, и зашла в несколько магазинов. Скоро день рождения у подруги, надо было присмотреть что-нибудь в подарок, а заодно и себя порадовать чем-нибудь. Жаль, на зарплату учительницы особенно не развернешься, но сегодня одна мамаша из школы дала ей десять долларов за урок с ее оболтусом, для легкомысленной Верочки это было совершенно неожиданно (она не давала уроков), и она решила, что эти случайные деньги надо сразу потратить.

В универсаме она прошла почти все отделы: канцелярию, спорттовары, парфюмерию, галантерею, мебель, свет, теле-фото, сувениры и так далее. Везде там очень красиво, народу, к счастью, было немного, и она приглядела себе даже домой кое-что на будущее или на Новый Год сестре, но цены я вам скажу, просто дикие, это – что-то, это – какой-то кошмар!

Для подруги – Ирки – пока ничего подходящего не видела, и Верочка пошла на свой любимый второй этаж. Там была верхняя одежда, постельное белье, обувь, опять парфюмерия, потом еще немного галантереи, трикотаж и деликатесы. Вначале она подумала о комплекте простыней (две простыни, две наволочки и пододеяльник, наш, ивановский, синего цвета), потом о чайном наборе (сахарница, заварочный чайник довольно симпатичный, но всего три чашки с блюдцами, зато дулевские), духах (тут, конечно, можно брать только какую-нибудь туалетную воду, все страшно дорого), подсвечниках (ну просто прелесть, так мне нравится), кофточках (про это в другой раз), ботинках (это уже для себя), но все это зашкаливало (всегда когда что-нибудь выберешь хорошее, оно зашкаливает, это я уже заметила), и не подходило к данному случаю. Наконец, Верочка дошла до нижнего белья.

Глаза ее увлажнились от радости, она улыбнулась и склонила голову набок. Хорошо, что еще так рано, народу мало и можно спокойно разглядеть все фасоны и цвета. Удивительно, что теперь это продают так свободно, да еще обставляют прилавки фотографиями полуобнаженных девиц, открыто демонстрирующих всем свои прелести. Интересно, покупает ли когда-нибудь наша завуч себе нижнее белье? Наверное, только закрыв при этом глаза и свирепо поджав тонкие губы. А может, из скромности и стыда посылает в магазин своего серого мужа.

Верочка подумала, что в такие отделы мужчин вообще пускать нельзя. Не ходят ведь они в женские консультации! Стоят себе тихенько на улице, у подъезда, или в крайнем случае сидят ждут в гардеробе. Рядом с ней сейчас как раз остановился какой-то приезжий в большой меховой шапке, увешанный сумками, открыл рот, пустил слюни и уже не может оторваться от этих фотографий. А продавщицы привыкли. Рядом автовокзал...

Она дождалась, пока гостя столицы оттянул другой такой же наблюдатель (пошли, еще шампунь надо купить), и придвинулась к прилавку с бюстгалтерами. Кажется, у подруги 80 размер А или В. Она долго выбирала среди разных цветов, и, наконец, остановилась на полукрытом ажурном розовом с чашечками, проходящими прямо через линию середины груди (фасон «Анжелика»). Кто только увидит Ирочку в этой красоте? Надо ей опять поискать себе кавалера, чтобы лифчик не пропал зря. Верочка сложила покупку в сумочку и вприпрыжку спустилась вниз к выходу.

По дороге из универсама она купила газету, чтобы узнать, что сегодня будет вечером по телевизору. Уже было темно, когда в полуоткрытом ажурном настроении она дошла до своего дома и поднялась на шестой этаж. Дедушка, слава Богу, ушел на весь вечер в гости к соседу играть в шахматы, и Верочка может отдохнуть в одиночестве. Они жили вдвоем уже несколько лет, дедушка был совсем плох, но еще бодрился, играл в блиц, надевал галстук на праздники, выпивал рюмашку для настроения, таскал с собой целый мешок лекарств, плохо слышал, много сорил, все пачкал, и это особенно раздражало чистенькую розовую Верочку с чашечками через

середины. Поэтому вначале ей пришлось прибраться за ним на кухне и в комнате. Потом она сварила себе кофе и открыла газету.

Когда дома никого не было, она чувствовала себя как-то свободней и раскованней, и в голову приходили всякие игривые и запретные мысли. Сейчас бы вот кто-нибудь правой рукой размешивал ей сахарок (два кусочка) в кофе, а левой рукой гладил бы ее круглые сладкие коленки и тонкие икры. Но вряд ли в ближайшем будущем можно ожидать приятной встречи. К подруге на день рождения ходят одни женатые, в свет Верочка не ходила – денег не было, в школе никого нет (родители не в счет, хотя есть там один из родительского комитета...), все как скучные учебники по математике. Она подумала про ближайшие каникулы и про лето. Надо поехать в какое-нибудь другое место, где будет другая компания, и, может, там ей и встретится, наконец, кто-нибудь.

И тут она вспомнила про лифчик! Она ведь может его примерить! Сладкая Вера допила кофе, посмотрела на часы (дедушка будет еще не скоро) и пошла в свою комнату. Слава Богу, у подруги такой же размер. Аккуратно развернув пакет, чтобы не порвать подарочную упаковку, она разрезала лезвием скотч и раскрыла заветную коробку, на которой улыбалась туповатая блондинка с прекрасной, впрочем, фигурой. Лифчик был очень хорош, с идеей. В голове сразу всплыла картина с доски для геометрической задачи по теме «Окружности и дуги» на открытом уроке в восьмом классе, где она сидела без всякого толка, и чувство стыда, охватившее ее при виде толстого лысого математика, который переводил глаза с нее на учениц и упрямо держался мелом за центр круга.

Верочка скинула халатик и открыла дверцу шкафа. Внутреннее зеркало откинуло стену влево и закружило ей голову. Она подняла правый локоть вверх, держась за шею, и проверила, действует ли еще дезодорант. Бритва в ванне, кажется, еще острая. Потом она легко закинула тесемки на плечи и шелкнула сзади застежкой. Надо включить свет.

И чем я хуже этих моделей? – подумала розовая Верочка, поворачиваясь из стороны в сторону и поправляя свою левую грудь под чашечкой к центру (вечно она немного съезжает в сторону). Она отвела плечи немного назад, набрала побольше воздуха и посмотрела на себя сбоку. Верунчик, ты просто прелесть, – прошептала она себе и поцеловала пыльное зеркало, оставив отпечаток губ на холодной поверхности.

Она померила на всякий случай еще пару своих лифчиков, припасенных на праздник, и осталась очень довольна собой. Купить бы к лету себе новый купальник. И куда только мужики смотрят? Надо как-то раздвинуть свои рамки, больше общаться, записаться в какой-нибудь клуб или общество. Где бы только найти что-нибудь такое? А то теперь все подруги стали домашними клушами, обед – белье – дети, и никуда не выходят. А ходить к ним в гости и слушать бесконечные рассказы о том, как сегодня покакала их любимая доченька, было уже невыносимо.

Верочка запаковала бюстгалтер обратно, приклеив новый скотч вместо разрезанного, и вернулась на кухню. Может, поесть все-таки творогу со сметаной? На ночь очень полезно. Запихивая в себя холодный алебастр, она решила перечитать газету с начала до конца, и в этот раз остановилась на объявлениях. Квартиры, машины, дачи она проскочила, а вот раздел «Путешествия» расстроил ее довольно сильно. Денег не было даже на поездку в подмосковный дом отдыха, не говоря уже о море и Париже. Опять придется жить на каких-нибудь чужих дачах, полоть ненавистные грядки с утра до вечера. Брачных объявлений в этот раз почему-то не было (в следующем номере), зато были какие-то дурацкие услуги (тараканы, сантехника, перевозки, уроки). Да, видно, люди стараются заработать любым способом, не то, что я, – подумала Верочка. Она прошла почти весь список, и в конце наткнулась на оборванный текст о фотоателе. Тут она вспомнила, что давно собиралась увеличить старую фотографию 1926 года своего дедушки на мотоцикле «Харлей- Дэвидсон» в черной коже и с пистолетом, интересно, сколько это может стоить сейчас? Можно взять денег из его пенсии.

Она решила вырезать телефон из газеты и пошла за ножницами.

Variatio 3. 1 Clav. Canone all'Unisono Рассуждения

Харитон провел ужасную ночь. Несмотря на самоуговоры и возможные тяжелые последствия, он опять объелся селедки, несколько раз вставал пить и другое. Бессонница усиливалась в ожидании свидания. Только в четыре утра, когда дворник уже вышел долбить лед и скрести звонкой лопатой по асфальту (тоже, наверное, ждет что-нибудь, переживает и не может спать), Харитон, наконец, замерз и уснул, укрывшись вторым одеялом.

Будильник не прозвенел, и он проснулся около одиннадцати. Вот черт, надо завтра раньше лечь спать, а то опять засну, – подумал он и пошел на кухню попить. Где же я буду ее принимать? До него дошла, наконец, эта простая и грозная мысль. Надо хотя бы прибраться и подготовиться к ее приходу. Он стал ходить по квартире и засовывать вещи по своим местам. Постепенно стулья освободились, и он вытащил пылесос. Ему вдруг стало страшно. Какая она? Что про меня подумает? Потребуется деньги, будет ругаться? Может, купить к чаю что-нибудь? Да и в комнатах было совсем не жарко, без свитера долго не походишь, а ванна очень маленькая. Надо проверить, сколько осталось пленки, кажется, в дальнем ящике есть еще две катушки. А может, попробовать черно-белую? Ну, ничего, время еще есть, голова успеет до вечера высохнуть.

Харитон долго стоял под горячей струей и грелся. По коже вначале бегали вверх-вниз щекотные мурашки, будто не понимая, что вокруг происходит. Тогда он сделал воду по-горячее. Вскоре мурашки исчезли, зеркало покрылось туманом, и он намылил голову. Конечно, красивая и хорошая не придет. Он с тоской подумал о девушках из Подмосковья. Хорошо бы она была немая – с ужасом и грустью подумал Харитон, и пена потекла вниз зеленой струей. Тогда придется писать ей все на бумаге. Да ну, что зря надеяться, ничего хорошего не выйдет, придет какая-нибудь корова, да еще захочет тут у меня жить. Почему-то, воображая девиц из Подмосковья, он сразу представлял себе их родственников в грязной электричке, тупых и занудных людей, пьющих пиво с водкой под музыку Аллы Пугачевой.

После ванны он заварил себе свежий чай и пил на этот раз уже спокойно, зная, что жидкость льется не зря и быстро наполнит организм. Можно потом даже что-нибудь поесть. Харитон любил себе готовить, но ненавидел мыть посуду. Он мог старательно нарезать мелкими кусочками ветчину, долго жарить ее на мелком огне, доводя до кондиции, потом сверху вываливать помидоры, взбивать яйца в пиале, и потом ловко переворачивать яичницу на другую сторону, но грязные тарелки, чашки, вилки – скорее бы их бросить в раковину и забыть.

Интересно, какая у нее фигура. Он подумал, и даже загадал, что на 80 процентов она довольна толста, и такую вообще невозможно будет снимать, надо было в объявлении указать необходимые размеры. Как плохо он подготовился! А ведь еще вспышка, освещение, не говоря уже о проявке и печати. И что потом делать с этими фотографиями?

Хорошо бы найти какую-нибудь фабрику или журнал, и потом ходить по магазинам и вспоминать, как они раздевались у него дома. А что подумают их знакомые? Да, в этом смысле с иногородними легче.

Харитон открыл шкаф и стал выкладывать на стол свои сверкающие хирургические инструменты: несколько ребристых объективов, три аппарата, штативы, пленки, осветительные лампы с цветными фильтрами, вспышки и секундомер. В этом фотографическом царстве главными, конечно, были тяжелые объективы, но и запах старых кожаных футляров с медными кнопками Харитон не променял бы ни на какую ночь в Венеции. А может, и променял. Он, конечно, был профессионалом своего дела, но профессионал, так сказать, начинающий и бедный. Он не умел рекламировать свои снимки, никто не устраивал его выставки, и никто, можно сказать, и не знал, что он – фотограф.

Последние несколько лет он покупал себе только пленки и пользовался древней трофейной оптикой. Он по старинке думал, что результат в основном зависит от героя снимка, интерьера и точки зрения. Если за интерьер и точку зрения он еще мог бороться, то героев становилось все меньше и меньше (а их снимков все больше и больше), а уж переделывать героиню ему казалось неправильным. Писали, что все эти фотомодели ничего своего не имеют – ни груди, ни губ, ни волос, ну просто манекены полуживые, и все. Они, кстати, тоже всегда молчат.

Все фокусы с косметикой и париками он считал предательством, и полагался только на чудо природы. Да и вообще, если разобраться, последние лет сто фотография так и осталась стоять на месте, если не считать, что живой материал резко ухудшился. Нету, понимаете ли, той грации в фигурах и игры в глазах.

Пальмы, большие автомобили, надгробные памятники небоскребов, искусственные ресницы, поверхность Марса – есть, а вот игры и чувства в глазах – нет. Может, люди теперь настолько ослеплены происходящим, что машинально отгораживаются тонкой пленкой от внешнего мира, и глядят со снимков словно слепые. Есть даже специальный метод «быстрого чтения» – смотреть куда-нибудь, не вглядываясь в детали, прочитал заголовок, и скорее переворачивай страницу, в отдельных словах, особенно, когда их много, смысла мало, а времени читать и вовсе не осталось.

Зачем читать всю книгу, когда можно узнать ее содержание из справочника, или уж, в крайнем случае, посмотреть экранизацию. Действительно, как глупо разглядывать часами воду или облака! Главное теперь – скорость передачи информации. Информация должна быть важной, лаконичной, доходчивой. Например: умерла бабушка, машина сломалась, денег нет, ищу работу, еще чаю, пошли в кино. Как видно, двумя словами можно передать главное в жизни. Да, забыл еще конечно: Бог есть, Аллах Акбар, Слава КПСС, пейте Кока-Колу.

Вот если есть вдруг странное желание воспользоваться не двумя, а тремя словами, то сразу добавляются наречия, прилагательные, чувства. Мысли приобретают глубину и законченность: Сегодня хорошая погода. Получил большие деньги. Мотор работает хорошо. Сними свое платье. Позвонила тетя Клава и т. д. И, если задуматься, писать и говорить надо именно так, без лишней болтливости и сентиментальности. И не надо возражать мне, что, чем длиннее ваше предложение, тем оно лучше. Хорошо, хорошо! Но начало забывается к концу, и уже не помнишь, к кому относится слово «дубина» – к забору, к соседу, или Цветаевой. Ну что вы скажете, к примеру, о таком предложении: Ранним июльским утром сосед за зеленым забором, читающий взхлеб толстый том Цветаевой с чаем с вишнями, оказался просто дубиной??

Просто много слов, и весь смысл безвозвратно утерян. Правильно писать короче и яснее: Стояло утро. Дело было в июле. Сосед сидит за забором. Он читает книгу. Книгу написала Цветаева. Сосед – дубина. Здесь уже все ясно, и нет никаких двусмысленностей, хотя кое-что можно было бы и сократить в последнем варианте. Цветаева тут явно не причем, да и июльский забор – тоже.

Харитон подумал, что ему тоже неплохо было бы почитать Цветаеву или съездить на дачу. Хотя сейчас там так много снега, что калитку не откроешь. И с теплом он ничего не может придумать. Надо было, конечно, сразу в центре дома закладывать печку. А что сейчас получилось? Голая тонкая фанера, стена к стене, развернуться негде, и все – от жадности, или от бедности. Фундамент надо было бы делать не 4 на 4, а 8 на 8, или даже 10 на 12. Тогда бы и печка приличная вполне могла бы поместиться в центре. А то сейчас если начать ее выкладывать, то места для кроватей совсем не останется. Харитон с грустью подумал, сколько сил было потрачено на эту дурацкую буржуйку. Трубу из семи кусков пришлось выводить в окно – уродство да и только. Теперь ее разобранные блестящие колени лежат в сарае.

В дверь позвонили. Верх с крышкой – в одном углу, колени – вдоль стен, а тяжелая чугунная топка все время путается под ногами, а ведь так просто ее не поднимешь.

– Кто там?

– Это по объявлению.

Variatio 4. a 1 Clav. Prelude

Ножницы как всегда куда-то затерялись. Вначале она посмотрела в ванной, потом пришла на кухню, обошла все полочки и подставки. Наверное, дедушка куда-нибудь засунул. Она зашла к нему в комнату и споткнулась о тяжелое кресло, обтянутое потертой до белого кожей. Кое-где сквозь раны торчали ржавые пружины, и нужно было иметь особое чувство, чтобы при посадке они не впивались в бока, в ноги и в нежное. Верочка любила на ходу провести ручкой по темно-коричневой резьбе на спинке кресла, которая листьями поднималась вверх, а наверху в середине листья превращались в голову старого ворона, и когда дедушка сидел в кресле, немного боком из-за пружин, склонив голову, казалось, что ворон докладывает ему о положении на фронтах, о карточках, о новых арестах врагов народа, о новых происках империалистов и о богатом урожае вишни, который ожидается следующим летом на их дачном участке. Дедушка молча слушал, качал головой, и его глаза уходили далеко в прошлое, и трудно было представить, что когда-то именно он гонял на новом американском мотоцикле по Петровке, распугивая голубей и последних монахинь в соседнем монастыре.

Ножницы валялись рядом с ножками этого старого деревянного зверя. Еще немного, и он захватит их когтями и не отдаст. Верочка подняла их и вернулась на кухню. А может, позвонить прямо сейчас? Половина шестого – они, наверное, еще работают.

– Здравствуйте, это фотоателье?

– Да, здравствуйте, это фотоателье, приходите, пожалуйста, вы знаете, как к нам доехать?

Вот черт, как же плохо слышно! Она закричала:

– Что-что вы сказали?

– Метро ...ская, адрес... дом...

Слава Богу, это довольно близко, недалеко от школы.

– Скажите, вот мне надо сделать фотографию, даже портрет, вы могли бы это сделать?

– Ах, да, конечно, все сделаем, как захотите, – казалось, этот чудака прямо задыхается от радости.

– А это дорого? – ну, сейчас он меня обрадует, – подумала Верочка.

– Нет, что вы, наоборот!

– То есть как это?

И тут как всегда, все закончилось треском и молчанием. Она неловко качнула трубкой, старые контакты разошлись, и ответа она не услышала. Ладно, подумала она, цены сейчас везде примерно одинаковые, хорошо хоть, что это так близко. Верочка ужасно не любила ездить по городу зимой. Ей всегда было холодно, темно, скользко и противно. Второй раз она решила туда не звонить, и набрала номер подруги, чтобы поделиться всеми своими новостями. Они расстались всего пару часов назад, но уже накопилось столько впечатлений, что надо было сразу их выложить кому-нибудь.

– Але?

– Привет, Ирок, это я.

– Привет, Веруся, ну как дела?

– Ты знаешь, я тут зашла по дороге в наш универмаг, знаешь, ну там, на Щелковской, и мне там так все понравилось!

– Рассказывай, что ты там увидела.

Верочка набрала в легкие по-больше воздуха и начала.

– Во-первых, я подобрала себе новые занавески на кухню. Знаешь, там были совсем разные, немецкие, французские, но мне больше всего понравились, как ни странно, сирийские,

– Да ты что!

– Они почти такие же дешевые как наши, но расцветка очень даже ничего. И главное, они там сразу и шьют, говоришь им ширину карниза, и через две недели уже все готово, ты же понимаешь, швейной машинки у меня нет, шить я не буду, пусть сами все сделают, получится лучше.

– Мне тоже надо срочно занавески в спальню, и как раз эти сирийские мне тоже подходят, я так прикинула к своим обоям, очень даже ничего!

Верочка сразу почему-то передумала шить занавески для себя, и продолжала уже на другую тему.

– Потом я приглядела себе люстру в свою комнату, сейчас, видно, был завоз, и очень большой выбор, в основном, югославские, очень хорошие, и дешево, может, куплю месяца через два, когда будут деньги.

– Везет! А у меня, Верусик, ты не поверишь, так вдруг живот схватило, я еле доехала до дома, несет прямо как из ведра.

– Ты шутишь! Наверное, съела в школе рассольник. Я вот никогда его не ем, а ты вечно кидаешься на эти бесплатные обеды, как будто тебя год не кормили (Ирок уже две недели усиленно голодала, чтобы влезть в новое платье). Попробуй выпить теперь фестал или лево-митецин. Мне вот в прошлый раз помогло. А то у меня тоже вечно как приходит кто-нибудь на урок, так у меня утром начинается такой понос, что я боюсь не доехать до школы.

– Ну, а что там еще было в твоём универмаге?

– Ты знаешь, я там присмотрела себе такие ботиночки, как сейчас носят все модные девицы – черные, на высокой платформе, и такие гладкие, кожаные, на молнии сбоку, итальянские, всего за двадцать долларов.

– Слушай, это очень дешево. Я тут тоже на днях ходила в итальянский магазин, так там меньше, чем за восемьдесят, ничего нет. И на рынке – мне говорили абсолютно точно, я тебе клянусь! – такие ботиночки стоят минимум семьдесят. Так что странно, это, наверное, из ненатуральной кожи.

– Да нет, – Верочка даже обиделась, – я специально спрашивала у продавщицы, она говорит, кожа, Италия, распродажа до воскресения.

Ирок чуть не уронила телефон.

– Я тогда прямо завтра туда еду, а то мне уже совершенно нечего одеть, те мои старые совсем порвались.

Верочка подумала, что те старые Ирок купила всего месяц назад на занятия у нее тридцать долларов, и следующая зарплата в их школе будет неизвестно когда. Они поговорили в том же духе еще полчаса.

Эта Ирок такая странная, и, главное, самоуверенность ее не знает границ. Все-то она знает, все-то она видела, везде-то она была. Верочка вернулась на кухню и принялась просеивать гречку. Как в каменном веке – высыпешь полпачки на клеенку и ломаешь глаза, перебирая каждое зернышко. Эта гречка еще наверное из стратегических запасов времен холодной войны.

В двери заскрипел ключ, и вскоре показался дедушка с большой шахматной доской подмышкой.

– Какой счет? – спросила Вера.

– Сегодня я показал этому жулику, где раки зимуют! – довольно ответил дедушка, укладывая доску на полку, шумно сморкаясь и долго вытирая валенки о коврик. Хотя на улицу выходить было не надо, дедушка всегда одевал валенки, когда собирался к соседу на партию.

– Двадцать три – семнадцать, как в аптеке, – весело доложил он и надолго заперся в туалете, шурша бумажками и повторно сморкаясь.

– Давай ужинать, Касабланка, – с тоской позвала Верочка, ты что, уснул там, что ли?

– Не Касабланка, а Капабланка, иду, иду, – минут через пять ответил дедушка, перебив валенки на большие вязанные носки и широкие мягкие тапочки. Ужин прошел в рассказах о проделках коварного противника – восьмилетнего Сережи.

– Мне кажется, Верочка, у него все-таки врут часы. Хотя он и ставит стрелки ровно на без пяти, мой флажок падает секунд на двадцать быстрее. В результате он выиграл у меня лишние три партии. Ну что тут скажешь, жулик, и все.

Верочка доела кашу и разлила чай. Дедушка так разошелся, что не замечал, как каша выползает из его рта и тонкой серой струйкой стекает по небритому подбородку. Неожиданно он остановился, взглянул на часы и стал собираться.

– Ты знаешь, у меня сейчас через три минуты программа «Время», из-за этого жулика я до сих пор не знаю, что там творится. Прости, Веруша, что я тебя оставляю, но сейчас уже начнется, – и дедушка понес стакан с чаем в большую комнату.

Верочка быстро вымыла посуду и грустно вытерла со стола. Пойти что ли помыться с горя, – подумала она, затаив желание.

Variatio 5 a 1 ovvero 2 Clav. Ванна

Она посидела с бабушкой полчаса, посмотрев даже спорт и погоду, и когда он с облегчением выключил телевизор, уже почти задремав в своем кресле, она подумала, что ужин в животе уже улегся, и можно идти в ванну.

– Бабушка, я пойду быстро вымоюсь, а ты ложись спать.

Вряд ли кто-нибудь еще будет звонить по телефону. Замены уроков быть не должно, и дней рождения не предвидется. Бабушка выпил таблетки, постелил себе кровать, закрыл дверь и улегся. Верочка, чувствуя внутри всего своего тела разгорающуюся пламя, выключила свет во всех комнатах, чтобы вокруг было не так ярко, и заперлась в ванной.

Пламя внутри ее тела разгоралось все сильнее, но снаружи было все еще довольно холодно, и она включила одну горячую воду, чтобы воздух немного нагрелся. Она села на край ванны и закрыла глаза. Шипящая струя убаюкивающе впивалась вначале в пустоту, но вскоре уже принялась выбивать из поверхности хрустящие пузыри, которые разбегались в стороны и упирались в стенки. Верочка немного ослабила пояс халатика и положила правую руку в глубокий вырез. Ее левая грудь, такая знакомая и родная, казалась сейчас совсем чужой и непривычной, будто лифчик, купленный в универмаге, сделал ее тугой и тяжелой. Она сняла с вешалки махровое полотенце и попробовала медленно, будто боясь спугнуть мурашки, дотронуться до своей гладкой кожи. Шершавое полотенце с мягкими ворсинками вначале двигалось по кругу, потом остановилось и поехало к центру. Верочка решила определить, где ей будет приятней всего. Ей нравилось это немного колющее, но нежное прикосновение, и в ее воображении возникли вольные картинки. Конечно, поблизости трудно было найти подходящего кавалера, и лишь какой-нибудь герой из фильма, пожалуй, мог быть допущен на эту роль. Она даже попыталась немного себя помучить и попробовала действовать более агрессивно, представляя себе какую-нибудь инквизицию, но ее кожа быстро сделалась совсем красной, стало больно, и она бросила полотенце на пол.

Ванна набралась уже до половины, ей стало жарко, она распустила пояс, бросила на пол халатик и осталась в одних кружевных трусиках, открывающих ее высокие крепкие бедра и довольно узких сзади, подчеркивающих ее прекрасную попу без следа целлюлита, что редко бывает даже у школьниц. Увы, занятия спортом и здоровая диета до нас еще не дошли. Верочка, тем не менее, сохраняла свой небольшой вес, определенный еще в девятом классе, когда она занималась в секции спортивной гимнастики, и могла выделять такие номера, про которые сейчас было страшно подумать. А мы и не думаем.

Она даже могла подтянуться на перекладине раз десять, и сейчас иногда показывала глупым подругам свой бицепс.

На полочке еще было немного волшебной пены для ванн, и Верочка решила использовать все до конца, вылив остатки в воду и даже сполоснув бутылочку два раза, чтобы внутри ничего уже не оставалось. Но пены почему-то было мало, и тогда она включила воду сильнее, чтобы взбодрить поверхность бурлящей струей. Теперь уже можно было залезать. Она перебросила через край ванны левую ногу и коснулась пальчиками белых пузырей. Они были такие густые и глубокие, что она долго не могла достать до воды и почувствовать ее температуру. Это было страшно и заманчиво. Наконец, когда пена поднялась выше щиколотки, ей стало горячо и приятно, и она смело решила достать ногой до дна, чтобы опереться и перенести правую ногу. Теперь пена поднялась уже почти до колена. Все было очень хорошо, только она совсем забыла про трусики, и опомнилась только тогда, когда, держась обеими руками за края ванны, начала медленно опускаться вниз и дотронулась попой до пены. Будто обжегшись, она резко выпрямилась, но сильно не огорчилась – все равно их надо было потом стирать. Быстро стянув

их вниз, Вера освободила свои ноги, облепленные пеной, бросила запачканные скользкими пузырями трусы в раковину и продолжила погружение.

Это была какая-то специальная пена, подаренная еще к прошлому 8 Марта одной богатой родительницей, чей ребенок проболел почти целый февраль, и нужно было заново объяснить ему строение клетки и прочую ерунду. Бутылочка долго стояла в отдельном ящике для подарков, ожидая, куда бы отправиться дальше, чтобы в конце концов завершить этот круговорот ненужных вещей в виде мыльных пузырей, вылетающих из окна седьмого этажа из соломинок двух малолетних преступников, использующих в своих корыстных целях бесценные растворы своей чисто вымытой мамы. На этот раз дарить красивую бутылочку было совершенно некому, и как-то холодным октябрьским вечером, когда в квартире еще не топили, и даже в свитере и кофте было очень холодно, Верочка решила съездить в Лондон и принять настоящую английскую ванну. Красивая упаковка от волшебного эликсира полетела в мусорное ведро, для незнакомых слов на этикетке был даже найден словарь, и тогда Верочке открылась чудесная история про святую Джейн из Манчестера, которую сожгли на костре как ведьму, поскольку именно она открыла секретный состав и дерзко употребляла его, каждый раз после ванны превращаясь в исчадие ада и грозу соседей мужского пола, которые не могли устоять против неведомого аромата и «тонкого слоя белых шаров, целиком покрывающих греховное тело вышеописанной ведьмы».

Но на самом деле – видит Бог! – Джейн была сама невинность, и даже этот пьяница священник Мартин, который несколько раз лично следил за ведьмой в подзорную трубу со своей колокольни, покраснел еще сильнее, глядя в пол на суде, а потом все-таки признался, что не смог даже постом и молитвами устоять против дьявольского наваждения и соблазна, и купил-таки на церковные деньги для своей жены пол пинты этого эликсира, а потом разливал его всем своим хорошеньким прихожанкам под видом одеяния деви Марии, в котором они должны были приходиться к нему на исповедь.

А Верочка тем временем уже села на дно ванны, вытянула ноги и думала, не сделать ли немного погорячее. Она решила пока просто выключить воду, чтобы полежать в тишине и отжаться мечтаниям. А что, если и ей этот эликсир придаст особой уверенности в своих силах, сделает фигуру ярче, кожу нежнее, и в глазах вдруг появится этот особый призыв, от которого джентльмены выпрямляют спины, встают со стульев, поправляют галстук и прическу, или просто ложатся у ее ног штабелями, один за другим, один за другим, а она их всех раскидывает ножкой в разные стороны, пока не попадется такой красивый, богатый, добрый принц, у которого, конечно, тоже есть замок рядом с Оксфордом или, на худой конец, вилла на берегу Женевского озера. Она уже представила и вечер у камина, стаканчик ирландского ликера со сливками «Baileys», дорогой прозрачный пенный шар, слуга с пирожными на подносе, в ливрее, потом этого принца почему-то в ботфортах и со шпагой, скачущего на коне по своему родовому парку среди античных скульптур и садовников к ней прямо с заседания Палаты Лордов.

Пена была еще совсем пышной, и она забавлялась, сдувая вершины с холмов белых пузырей и проделывая в сложном рельефе прямые каналы, надувая щеки и смешно дуя перед собой. Потом она совсем распарилась и закрыла глаза. Струйки соленого пота стекали по ее лбу к бровям. Вот он уже спрыгивает с лошади и бежит стрелой по бесконечной лестнице к ней наверх. Ступенек через сто дыхание, конечно, рвется, и он останавливается передохнуть. А кругом пахнут розы, поют причудливые птицы, над прудами клубится туман, садовники подметают прекрасные желтые листья и стригут кусты. Как же их много, куда не посмотришь, везде видны эти садовники!

Верочка крепче закрыла глаза и сама не заметила, как принялась нежно гладить свой живот, бедра и тонкую талию. Под водой было безумно гладко и скользко, и она с удовольствием

ощущала сквозь пену свою невидимую изумительную кожу, сердце билось все сильнее, и даже ванна немного подрагивала в такт с его ударами.

Верочка легла на спину, согнула ноги, и теперь впереди виднелись лишь ее блестящие розовые колени. Сладкая теплота проникала сквозь разогретые поры, в ушах убаюкивающе булькала вода, и постепенно ее руки все ближе двигались к внутренней стороне бедер, она раздвинула ноги как можно шире (ванна была, к сожалению, довольно узкая) и, наконец, погрузила пальцы в свои густые черные волосы, которые развевались внизу живота под водой, будто ровная аккуратная борода. Конечно, сейчас она ничего не могла видеть под пеной, но помнила, как это бывает, если принимать ванну без всяких там эликсиров.

Но принц-то уже бежит по коридору, скидывая на ходу перчатки, шпагу, отстегивая ботфорты со шпорами (или, может, шпоры лучше пока оставить?), развязывая узлы и застёжки сложной викторианской эпохи. Слуги, слава Богу, уже далеко, садовники при деле, и никто теперь не может помешать союзу двух любящих сердец, разве только какая-нибудь охотничья собачка, которую, впрочем, можно запереть в другой зале, положив в ее фарфоровую мисочку кусок ветчины и два мелко порезанных помидора, крепко посыпанных перцем.

Как хорошо, что она все же никому не подарила этот волшебный эликсир, который холодными зимними вечерами так действует на нее. Надо бы купить еще пару баночек. Она запустила свой указательный палец еще глубже и осторожно следила за своим возбуждением, горячей волной пробегающим вдоль всего ее распаренного тела, облепленного английской пеной.левой рукой она сжала свою правую грудь, как пакет с молоком, лишь выпустив на волю между двумя пальцами незрелую пупырчатую землянику, как метко заметил когда-то один наш лауреат Нобелевской премии.

А принц в это время уже совсем обнаглел, вбежал в ее комнату совсем голый, даже без шпор, будто тоже из ванны, и тоже весь мокрый, правда, еще без пены. Вся пена осталась на его лошади. И вот он бежит к ней, а она уже совсем готова, и даже отставила дорогой бокал подальше, чтобы он случайно не разбился, жалко все-таки – ценная вещь, да и осколками можно порезаться. И вот он бежит и сразу вскакивает на нее, как на лошадь, и она вместе несутся по дивному утреннему парку, среди античных скульптур, разгоняя туман над прудами, садовники по-прежнему метут листья, щебечут птицы, рядом несутся борзые, все так солнечно, тепло, весело, ее груди подскакивают, они кричат и скачут все дальше, в лес, где уже никого нет, только скоро уже будет забор соседа, скряги и ворчуна, так что пора заворачивать обратно.

Она кончила, сразу вынула пробку, долго следила, как пена и наваждение стекает с нее в маленькую дырочку, потом резко поднялась, включила душ, смыла остатки радости и легко вытерла со своего тела последние капельки соленого английского тумана.

Variatio 6 a 1 Clav Canone alla Seconda. Лосинный остров

За неделю до свиданья с первой моделью Харитон наконец-то дозвонился до Ветровского, и они договорились пойти на лыжах. Харитон неплохо бегал еще со школы, тренировавшись по два раза в неделю вокруг Серебряного Бора. Потом был большой перерыв, и только через несколько лет до него наконец-то дошло это правильное чувство, что надо себя заставить, и заполнять часть своей больной головы смолой, уродскими ботинками, расписанием электричек, температурой, приятной компанией, чтобы потом лежать на диване, вытянув бессильные ноги, и гордиться длиной дистанции.

Вот и теперь он начал с того, что среди балконного хлама нашел ржавую банку с остатками лыжной смолы, которую отдал ему старый приятель, обрадовав свою чувствительную жену. У Харитона жены не было, и он понимал, что смолка лыж – тяжелое, но необходимое дело. Он приготовил старую зубную щетку, тряпки, газеты и тупую стамеску. Расчистив место вокруг плиты, он принес лыжи с балкона и вначале вытер с них годовую грязь мокрой тряпкой.

Главная трудность в этом деле – траектория лыжи над огнем. Представьте, как же можно ухитриться прогреть лыжу длиной больше двух метров, если плита стоит в углу кухни? К счастью, у Харитона была редкая возможность – плита стояла рядом с окном, и можно было выдвигать лыжу на улицу через окно, чтобы как следует прогреть недоступный участок. Постепенно отравленный дым заполнил всю кухню, и Харитон уже машинально водил лыжей взад и вперед, потом мазал смолу зубной щеткой, снова грел, пока смола не закипала, а потом смахивал лишнее тряпкой. Тяжелый смолистый дух спрятался по всем закоулкам его маленькой квартиры и долго потом не хотел выходить на улицу. Даже дня через три Харитон все не мог определить, откуда же так воняет, пока не догадался понюхать свой свитер, в котором тогда он смолил лыжи.

Вот у Ветровского лыжи были пластиковые, и с ними были совсем другие проблемы, с которыми Харитон никогда не сталкивался. Ветровский рассказывал ему при какую-то гидрофобную смазку, парафин, теплые утюжки, тубики с мазями, но Харитон пропускал это мимо ушей, думая, что для него это не так важно.

На следующий день после смолки Харитон занялся ботинками – ископаемыми млекопитающими шестидесятого года. Его левый древний мастодонт потерял язык, но к счастью, Харитон случайно наткнулся на этот язык еще прошлой весной на нижней книжной полке в коридоре и отложил его в отдельную коробочку в кладовке, и вот теперь пришло время поставить его на место. Он несколько дней думал, как же проткнуть крепкую кожу изнутри ботинка, в самом носке, потом сломал несколько иголок, но протянуть нитку в обратном направлении ему никак не удавалось. В наборе, который Харитон приобрел у бабы в электричке за десять рублей (это в два-три раза дешевле, чем в московских магазинах, баба продавала еще новые захватывающие детективы Александры Марининой, которую уже никому не надо представлять, в твердой цветной обложке, шоколадки отечественные, дешевые, пять видов, носки шерстяные вязаные сорок второго – сорок первого размеров, тридцать восьмой уже кончился в предыдущем вагоне, туалетная бумага, в рулоне целых девяносто два метра, хватит надолго, китайский фейерверк – подходит к любому празднику, радость детям и взрослым...) была даже удивительная игла, загнутая в дугу, но она тоже никак не желала протыкать кожу – не во что было упереться. Снаружи сделать отверстие и просунуть иглу было элементарно, а вот изнутри...

На второй день мучений и сильнейшей внутренней борьбы с ботинком Харитон плюнул и просто пришил язык к первым отверстиям для шнурков. Он в который раз убедился, что без правильных инструментов не стоит приниматься за работу, а найти такой инструмент очень даже не просто. Все равно он начинал их завязывать со второго или третьего ряда. А в пятницу

Ветровский вдруг сказал, что простудился, и поездка, может быть, отменится. Харитон так и не узнал, что в тот вечер Ветровский поспорил со своей сестрой Милой, которая не хотела пускать его одного в лес и оставаться дома одна. Они договорились созвониться утром в субботу, когда Ветровский сможет, наконец, определить, заболел ли его организм окончательно или нет. На самом деле Мила позвонила своей подруге и они тоже договорились встретиться, но не совсем точно, так что Ветровскому было теперь не так стыдно оставлять ее одну. Харитон немного расстроился, но решил поехать в любом случае, даже без Ветровского. Утро было чудесное – минус восемь, синее небо, скрипучие улицы, и Харитон с радостью разложил на диване свой маскарадный костюм – две пары носков, клетчатые кальсоны и майку надел сразу, свитер, большие теплые перчатки, шапочку, мазь на случай сильной отдачи, жетоны на метро и ключи.

Минут через пять бодрый голос Ветровского сообщил ему по телефону, что его организм еще держится, и что он едет. Это было приятно, и Харитон с радостью позавтракал двумя бутербродами с сыром и даже сделал себе яичницу из двух яиц.

Они встретились в одиннадцать на «Щелковской». Харитон не знал, что одна девица, проходящая мимо, на которую он даже не посмотрел, вскоре будет раздеваться у него в спальне (Верочка утром бегала на рынок за овощами на «Измайловскую»). Он торжественно двигался по платформе, медленно передвигая ноги в огромных лыжных ботинках, и пышные украинские девки, запряженные в телеги с кислой семеринкой в холщевых мешках по пятьдесят килограмм, смеялись над ним всю дорогу, и одна толстушка чуть не смахнула его своим задом в два мешка на рельсы. Ветровский был еще выше его, худее и с большой головой. Он любил долго разворачивать носовые платки размером с хорошую наволочку и сморкаться, зажмурив глаза. Сегодня простуда особенно густо выходила у него через нос. Они застучали ботинками по мраморному полу и двинулись на улицу. А дальше все было очень быстро, потому что стоять было холодно.

Они понеслись вначале по широкой утоптанной тропинке, потом быстро нашли лыжню и побежали по ней до упора. К сожалению, народу было достаточно, но Харитон думал, что это особые люди, последние лыжные дворяне, жадно глотающие плотный январский воздух, и уступающие встречным половину лыжни. Ему особенно нравились лыжницы-старушки, которых теперь было большинство, наверняка говорящие на французском языке, и ему было все время неловко обгонять их, ведь это огорчает каждого лыжника, и он говорил им «мерси».

Ветровской пилил сзади, простуда не давала ему разогнаться, он часто останавливался, прислонившись к дереву, и опять разворачивал свою наволочку. В прошлый раз на трассе Снегири-Радищево все было наоборот, Ветровский несся впереди как лось на своих пластиковых лыжах, а Харитон, упираясь глазами в мокрый цветной лес, еле полз на своих старых дровах, которые весили тонны от налипшего снега. Вот что значит как следует просмолить лыжи, – думал Харитон, хотя кататься в дождь всегда плохо, как их не смоли. Он остановился на пересечении просек, глубоко вдохнул и посмотрел в небо как князь Андрей. Голые ветки едва шевелились, и у него закружилась голова. Как здорово, что он наконец-то заставил себя поехать! Сердце стучало, стараясь оторваться от сосудов и упасть вниз. Харитон не чувствовал себя так одиноко, жизнь имела простой смысл как эта лыжня, и где-то вдали, возможно, скользят красивые девушки в красных рейтузах.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.